DOI: 10.15514/ISPRAS-2026-38(6)-39

Развитие аблативного форманта *na:nɨ в селькупских диалектах

С.В. Ковылин, ORCID: *0000-0003-0108-9214 <kovylin.ser@yandex.ru>*

Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН,
Россия, 109004, г. Москва, ул. А. Солженицына, д. 25.

Томский государственный педагогический университет
Россия, 634061, г. Томск, ул. Киевская, д. 60.

Аннотация. В работе описывается развитие аблативного форманта **na:nɨ* в южных, переходном, центральных и северных селькупских диалектах. Введение большого объема новых корпусных и архивных данных, при учете ранее опубликованных материалов, позволило провести детальный анализ по максимальному числу диалектов. Маркеры, появившиеся от **na:ni*, образуют два изолированных ареала: северный и южно-переходно-центральный. В южных, переходном и центральных диалектах послелог **na:nɨ* перешел в суффиксальные формы и используется с одушевленными существительными. В кетском диалекте сохранилась форма *-nanni*, в то время как в остальных произошла редукция *-na:nɨ* > *-nan*, совпадение редуцированной формы с локативным падежом на *-nan* и образование нового синкретичного локативно-аблативного форманта *-nan*. Также в диалектах обнаруживаются инновационные формы на *-nanto/-nant(V), -nandik, -nandikto*, где к локативно-аблативному форманту присоединяются дополнительные аблативные суффиксы в целях преодоления падежного синкретизма. Основными семантическими ролями имени при существительных, маркированных данными суффиксами, являются Источник, Объект сравнения, Причина, Объект, против которого принимаются действия, Часть-Целое и Материал. В северных диалектах произошло сохранение послелога, где он выступает в качестве универсального аблативного показателя, с его дальнейшей трансформацией: *na:ni* > *nɔ:nɨ* к XX в. Послелог используется для кодирования таких семантических ролей как Источник Места и Времени, Материал, Причина, Объект сравнения, Часть-Целое и Стимул.

Ключевые слова: аблативные показатели; ареальная лингвистика; селькупские диалекты; семантические роли.

Для цитирования: Ковылин С.В. Развитие аблативного форманта **na:nɨ* в селькупских диалектах. Труды ИСП РАН, 2026, том 38, вып. 6, часть 2, стр. 303–316. DOI: 10.15514/ISPRAS–2026–38(6)–39.

Благодарности: Исследование было поддержано грантом РНФ 25-78-20002 «Возможности искусственного интеллекта для сравнительно-исторического изучения малоресурсных языков народов РФ». Результаты получены с использованием услуг Центра коллективного пользования Института системного программирования им. В. П. Иванникова РАН – ЦКП ИСП РАН.

Development of the ablative formant *na:nɨ in Selkup dialects

S. V. Kovylin, ORCID: 0000-0003-0108-9214 <kovylin.ser@yandex.ru>

Ivannikov Institute for System Programming of the RAS,
25, Alexander Solzhenitsyn st., Moscow, 109004, Russia.

Tomsk State Pedagogical University,
60, Kievskaya st. Tomsk, 634061, Russia.

Abstract. This paper describes the development of the ablative formant **na:nɨ* in the southern, transitional, central and northern Selkup dialects. The introduction of a large volume of new corpus and archival data, considering previously published materials, made it possible to conduct a detailed analysis across the maximum number of dialects. Markers that emerged from **na:nɨ* form two isolated areas: northern and southern-transitional-central. In the southern, transitional, and central dialects, the postposition **na:nɨ* transformed into suffixed forms and is used with animate nouns. In the Ket dialect, the form *-nannɨ* remained, while in the others there was a reduction of *-na:nɨ* > *-nan*, a coincidence of the reduced form with the locative case *-nan* and the formation of a new syncretic locative-ablative formant *-nan*. Innovative forms ending in *-nanto/-nant(V), -nandik* and *-nandikto* are also found in dialects, where additional ablative suffixes are added to the locative-ablative formant to overcome case syncretism. The main semantic roles of nouns marked with these suffixes are Source, Object of Comparison, Cause, Object against which actions are taken, Part-Whole and Material. Northern dialects retained the postposition, where it serves as a universal ablative marker, with its subsequent transformation: *na:nɨ* > *nɔ:nɨ* by the 20th century. The postposition is used to encode such semantic roles as Source of Place and Time, Material, Cause, Object of Comparison, Part-Whole and Stimulus.

Keywords: ablative markers; areal linguistics; Selkup dialects; semantic roles.

For citation: Kovylin S.V. Development of the ablative formant **na:nɨ* in Selkup dialects. Trudy ISP RAN/Proc. ISP RAS, 2026, vol. 38, issue 6, part 2, pp. 303-316 (in Russian). DOI: 10.15514/ISPRAS-2026-38(6)-39.

Acknowledgements. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation 25-78-20002 **"**Capabilities of Artificial Intelligence for Comparative-Historical Study of Low-Resource Languages of the Peoples of the Russian Federation**".** The results were obtained using the services of the Ivannikov Institute for System Programming (ISP RAS) Data Center.

1. Введение

В работе обсуждается трансформация части падежной системы пространственно-временного блока селькупских диалектов, произошедшая относительно недавно, а именно развитие аблативного форманта **na:nɨ*.

Различные аблативные показатели и их этимологии уже обсуждались в научных трудах [1: 31-32, 88; 2; 3: 301; 4: 181-182; 5: 194; 6: 186, 229-242; 7: 469; 8: 350; 9], однако они затрагивали не все диалекты, обсуждения носили ограниченный или, наоборот, довольно обобщающий характер, часто не учитывались материалы XIX в.

В целом появляется необходимость провести специальное исследование, целью которого является объяснение особенностей развития аблативного форманта **na:nɨ* в разных диалектах, что подразумевает:

1) сопоставительный анализ доступных материалов XIX–XXI вв. по всем диалектным зонам с представлением информации по максимальному количеству диалектов;
2) изучение особенностей функционирования аблативных маркеров путем их описания через присущий им набор семантических ролей;
3) построение карт с выделением географических ареалов распространения показателей.

Материалом исследования являются корпуса, расположенные на платформе ЛингвоДок [10] и в личных архивах автора (файлы программы FieldWorks Language Explorer) объемом около

100 тысяч словоформ, данные архивов лаборатории языков народов Сибири (далее ЛЯНС) Томского государственного педагогического университета [11] объемом около 400 тысяч словоформ, материалы М. А. Кастрена [12], Н. П. Григоровского [13], св. Макария (Невского) [14; 15], Л. Сабо [16], а также дополнительные данные из словарей и грамматических описаний [1; 4; 6; 8].

В исследовании применяется диалектная классификация С. В. Глушкова, А. В. Байдак, Н. П. Максимовой [17], которая основана на положениях Т. Янурика [18], с разделением селькупской территории на северную группу – включает диалекты: тазовский; ларьякский (верхнетолькинский); карасинский; туруханский; баихинский; елогуйский; центральную группу: ваховский; тымский; васюганский; нарымский; южную группу: среднеобской; чаинский; кетский; верхнеобской; чулымский. Нами дополнительно выделяется промежуточная диалектная зона в виде иванкинского диалекта, ранее включенная в среднеобской диалект, которая характеризуется смешанными чертами и отмечена в исследовании населенными пунктами Иванкино и Тогур.

*2. Особенности функционирования когнатов форманта *na:nɨ ‘PSTP.ABL’*

Показатель *na:nɨ* состоит из послелога **nā* и аблативного форманта **-nɨ* (см. [9: 192]). В северных диалектах послелог сохранился, изменившись фонетически *na:nɨ* > *nå:nɨ* > *nɔ:nɨ* ‘PSTP.ABL’ в период с XIX по XX вв., где он в равной мере используется как с одушевленными, так и с неодушевленными существительными. В материалах за XX в. *-nanɨ* зафиксирован в некоторых идиолектах верхнетазовского [4: 182], однако примеров этого не предоставляется.

В селькупских диалектах наблюдается разделение отдельных дательно-направительных, локативных и аблативных суффиксов на те, которые используются с одушевленными и неодушевленными существительными. Ссылаясь на А. Йоки, можно сказать, что это относительно новое явление, возникшее под влиянием енисейских (кетского) языков и во времена М. А. Кастрена было еще не полностью устойчиво [19: 13-14]. Данное разделение не свойственно другим самодийским или обско-угорским языкам, расположенным в обско-енисейском языковом ареале. В южных, переходном и центральных диалектах произошла грамматикализация послелога *na:nɨ* > *-na:nɨ* и дальнейшая его трансформация в функциональном плане. Так, суффикс *-na:nɨ* стал показателем падежа аблатива 2 и в основном используется с одушевленными существительными. Изначальная форма *-na:nɨ* или *-na:nnɨ* сохранилась только в кетском ареале, в то время как в остальных диалектах появились показатели *-nan, -nanto, -nandɨk* и *-nandɨkto*. В южных (кроме кетского), переходном и центральных диалектах, скорее всего, в результате устранения полисемии, возникшей при слиянии локатива 2 на *-nan* и аблатива 2 *-nanɨ* > *-nan* единого падежа локатива 2 – аблатива на *-nan*, появляется инновационный падеж *-nanto*. Маркер имеет позднее образование и реконструируется как *-nan* – локативно-аблативный формант [6: 186, 132] + *-tV* или *-to*, скорее всего, восходящие к соответствующим наречиям ‘туда, прочь’. В отдельных населенных пунктах нарымского диалекта и иванкинском диалекте факультативно используется показатель аблатива 2 *-nandɨkto*, состоящий из показателя аблатива 2 *-nanɨ* > *-nan*, послелога на основе наречия *tak* ‘прочь’ и аблативного форманта *to* ‘прочь’ или *-nandɨk*, состоящий из показателя *-nanɨ* > *-nan* ‘ABL2’ + *tak* ‘прочь’. В васюганском и тымском диалектах отсутствуют маркеры аблатива 2 на *-nanɨ* или *-nanto*, а вместо этого аблативная семантика выражается суффиксом локатива 2 – аблатива *-nan*, образовавшегося путем слияния локатива 2 на *-nan* и аблатива 2 *-nanɨ* > *-nan*. Также суффиксы аблатива 2 на *-nanɨ* или *-nanto* не зафиксированы в верхнеобских, чаинских, нижнекетских и нарымских (Нарым) материалах XIX в. М. А. Кастрена, где в локативной и аблативной функциях также используется суффикс *-nan*.

С семантической точки зрения основными ролями имени в аблативе 2 являются Источник (объект, от которого начинается действие), Объект сравнения, Причина, Объект (против которого принимаются действия); также иногда встречаются такие, как Часть-Целое и Материал.

В следующих примерах имя в аблативе 2 выступает в семантической роли Источника при глаголах *пойти* (1) и *прийти* (2) и Объекта сравнения при нулевой копуле (3) и глаголе *светить* (4).

Источник (объект, от которого начинается действие) (УО кет.) XX в.

(1) *Qwen-n-ə* *qənnaŋ* ***nʲo-nanni*** *toj.*
пойти-PRS-3SG.S собака заяц-ABL2 прочь
‘И ушла собака от зайца прочь’ [11: T. 36 1971: 327–328].

Источник (объект, от которого начинается действие) (Ив. ив.) XX в.

(2) *Ara-ga* *tö-mb-a* ***a:tde-la-nando****.*
старик-DIM прийти-PSTN-3SG.S олень-PL-ABL2
‘Старик от оленей пришел’ [11: T. 58 1981: 263].

Объект сравнения (УО кет.) XX в.

(3) *Su:rum* *orup-se-ŋ* *wesʲ* ***suru-la-nannə****.*
медведь сила-COM-PRD все зверь-PL-ABL2
‘Медведь сильнее всех зверей’ [11: T. 36 1971: 329].

Объект сравнения (Лас. Нар.) XX в.

(4) *Taw* *qàṣqa-háj* *wárɣ-ə-k* *čʼélə-m-b-a*
это звезда-глаз большой-быть-3SG.S свет-VBLZ-DUR-3SG.S
áwna-là-dət ***qaṣqa-hàj-nándo****.*
другой-PL-POSS.3PL звезда-глаз-ABL2
‘Эта звезда горит ярче всех звезд’ [11: T. 34 1970: 404].

В следующих примерах имя в аблативе 2 выступает в роли Причины при глаголе *делать.дымокур* (5) Объекта, против которого принимаются действия, при глаголах *прочь взять/избавить* (6) и *сохранить* (7), Части-целого при глаголе *узнать* (8) и Материала при глаголе *ждать* (9).

Причина (Зуб. кет.) XX в.

(5) ***Ninaŋga-n-nanni*** *tü-m* *kaqko-lʲ-dʲi-kw-at.*
комар-GEN-ABL2 огонь-ACC дым-VBLZ-TR-HAB-3PL
‘От комаров костер – дымокур делают’ [11: T. 36 1971: 306].

Объект (против которого принимаются действия) (ив.) XX в.

(6) *Кроста-н-зе* *ку-ла-м* ***лозы-нанто*** *то* *и-нч-ау.*
крест-GEN-COM человек-PL-ACC дьявол-ABL2 прочь взять-FUT-1SG.O
‘Крестом людей от дьявола избавлю’ [15: 18].

Объект (против которого принимаются действия) (Нар. нар.) XIX в.

(7) *Нол* *шиндат* ***кош-кы-до-н-нентак*** *шиндат*
бог 3PL.ACC плохо-DIM-POSS.3SG-GEN-ABL2 3PL.ACC
конд-ій.
?сохранить-IMP.3SG.S
‘Бог вас от зла да сохранит’ [14: 63].

Часть-Целое (Лас. нар.) XX в.

(8) *Qudə-náj* *hombla* *il’i* *múktət* ***qu-n-nándəkto*** *n’el’z’á* *e-k*
кто-EMPH пять или шесть человек-GEN-ABL2 нельзя быть-3SG.S
koṣtu-gú.
узнать-INF
‘Невозможно было узнать никого из пяти, шести человек’ [11: T. 34 1970: 265].

Материал (Лас. нар.) XX в.

(9) ***N'ewá-nàndəkto*** *qàbər-bə́l* *wádʒ'ə-p* *əg* *á:če-d.*
заяц-ABL2 разжиреть-PST.PTCP мясо-ACC NEG.IMP ждать-IMP.2SG.O
'Не жди от зайца жирного мяса' [11: T. 34 1970: 445].

Как уже отмечалось ранее, послелог *na:nɨ* (XIX в.) > *nɔ:nɨ* (XX в.) 'PSTP.ABL' используется в северных диалектах как с одушевленными, так и с неодушевленными существительными, являясь универсальным маркером аблатива. Проанализировав 12 томов записей ЛЯНС за XX в. по елогуйскому, баихинскому и туруханскому диалектам [11: T. 14-15, 31–32, 35, 37, 43, 45, 48, 52-53 1967-1975], выяснилось, что послеложный маркер аблатива *nɔ:nɨ* (более 100 примеров) практически полностью вытеснил суффикс аблатива 1 на *-qɨnɨ* (исключение – 5 примеров на *-ɣon, -kan* в туруханских материалах), появляющийся только при неодушевленных существительных. Таким образом, в этих диалектах *nɔ:nɨ* стал универсальным аблативным маркером. Е. А. Хелимский отмечает, что послелог *nɔ:nɨ* в северных диалектах в отличие от падежного показателя *-qɨnɨ* имеет значение 'от (леса)', а не 'из (леса)' [Хелимский 1977: 301]. Судя по примерам ЛЯНС и INEL за XX в., это различие не всегда соблюдается, например: INEL (ср.-таз. Кр.-ск.) *tanti-s ponä mašina nɔ:nɨ* 'выйти-PST.3SG наружу машина PSTP.ABL/он вышел наружу из машины'.

Далее представлено использование послелога/клитики *nɔ:nɨ* 'PSTP.ABL' с существительными в семантической роли Источника – Места и Времени, с которого начинается действие при глаголах *прийти* (10), *спать* (11), Материала при глаголе *сделать* (12), Причины при глаголе *высохнуть* (13), Объекта сравнения при глаголе *жить* (14), Части-целого при глаголе *лежать* (15), Стимула при глаголе *бояться* (16).

Источник (Место, с которого начинается действие) (Бакл., Пак. баи.) XX в.

(10) ***Kúte-n-non*** *tü:-s-ak.*
человек-GEN-PSTP.ABL прийти-PST-1SG.S
'От человека пришел я' [11: T. 37 1971: 617].

Источник (Время, с которого начинается действие) (Фар. тур.) XX в.

(11) ***Tæl'čel-noanɨ*** *qond-a.*
вчера-PSTP.ABL спать-3SG.S
'(Он) спит со вчерашнего дня' [11: T. 48 1973: 209].

Материал (Кел. ел.) XX в.

(12) ***Qópe-j-mi-nonə*** *m'í-s-otɨn* *póryə-j-mɨ-t.*
шкура-ADJ-COLL-PSTP.ABL сделать-PST-3PL одежда-ADJZ-COLL-PL
'Из шкур сделали одежду' [11: T. 32 1970: 496].

Причина (Кел. ел.) XX в.

(13) *Múndək* *n'utə* ***č'él'i-n-də-nóna*** *tekə-s-a.*
весь трава солнце-GEN-POSS.3SG-PSTP.ABL высохнуть-PST-3SG.S
'Вся трава высохла от солнца' [11: T. 32 1970: 494].

Объект сравнения (таз.) XX в.

(14) *Tan* ***åtä-ī-ntɨ-nån*** *mat* *åtä-mɨ* *pōsɨ*
2SG олень-PL-GEN.POSS.2SG-PSTP.ABL 1SG олень-POSS.1SG еще
warq-ē-ŋ-a.
большой-быть-PRS-3SG.S
'Мой олень больше твоих оленей' [20: 295].

Часть-Целое (Кел. ел.) XX в.

(15) *Na* ***íɣa-nonə*** *ukur* *ol'i-tə* *ipp-á.*
этот ребенок-PSTP.ABL один голова-POSS.3SG лежать-3SG.S
'От этого ребенка одна голова осталась (лежит)' [11: T. 32 1970: 483].

Стимул (Фар. тур.) XX в.

(16) *Mä* ***aśä-m-noanni*** ***ama-(n)-noanni*** *änn-ak.*
1SG отец-POSS.1SG-PSTP.ABL мать-POSS.1SG-PSTP.ABL бояться-1SG.S
'Я своего отца и мать боюсь' [6: 212].

Обобщая результаты, выделим пять отдельных типов формантов, появившихся из послелога *na:nɨ 'PSTP.ABL': *-nanɨ/-nannɨ* 'ABL2', *-nan* 'LOC2.ABL', *-nanto/-nant(V)* 'ABL2', *-nandɨk/-nandɨkto* 'ABL2', *na:nɨ/nɔ:nɨ* 'PSTP.ABL'.

В табл. 1 представлены формы показателя аблатива 2 и послелога *na:nɨ* (XIX в.)*/nɔ:nɨ* (XX в.) 'PSTP.ABL' по диалектам.

*Табл. 1. Аблативные показатели от послелога *na:nɨ*[1].*
*Table 1. Ablative markers from the postposition *na:nɨ.*

<table>
<tr><td rowspan="2">Юж.</td><td colspan="5">XIX в.</td></tr>
<tr><td>Григ. (н.-чаи.)</td><td>Кастрен (чаи.)</td><td>Кастрен (чул.)</td><td>Кастрен (н.-кет.)</td><td>Кастрен (в.-кет.)</td></tr>
<tr><td>-нандо</td><td>LOC2.ABL -пап (ABL2 не зафикс.)</td><td>LOC2.ABL -пап (ABL2 не зафикс.)</td><td>LOC2.ABL -пап (ABL2 не зафикс.)</td><td>1) -папа;
2) LOC2.ABL -ппап(а)</td></tr>
<tr><td rowspan="3"></td><td colspan="5">XX в.</td></tr>
<tr><td colspan="2">ЛЯНС (Сон. ср.-об.)</td><td colspan="3">ЛЯНС (кет.)</td></tr>
<tr><td colspan="2">-nanto</td><td colspan="3">-nannɨ (-nanne, -neппə)</td></tr>
<tr><td>Пер.</td><td colspan="5">XIX в.</td></tr>
<tr><td rowspan="4"></td><td colspan="5">Макарий (ив.)</td></tr>
<tr><td colspan="5">-нанто (-нант)</td></tr>
<tr><td colspan="5">XX в.</td></tr>
<tr><td colspan="5">ЛЯНС (Ив. ив.)</td></tr>
<tr><td>Центр.</td><td colspan="5">-nando, -nandɨkto (-nandəkto)</td></tr>
<tr><td rowspan="2"></td><td colspan="5">XIX в.</td></tr>
<tr><td colspan="2">Кастрен (нар.)</td><td colspan="3">Макарий (Нар. нар.)</td></tr>
<tr><td colspan="2">LOC2.ABL -пап (ABL2 не зафикс.)</td><td colspan="3">1) -нанды (-нянды), -нептак (*-нантак);
2) LOC2.ABL -нан</td></tr>
<tr><td rowspan="3"></td><td colspan="5">XX в.</td></tr>
<tr><td>ЛЯНС (нар.)</td><td>ЛЯНС (вас.)</td><td>Сабо (Нап. тым.)</td><td colspan="2">ЛЯНС (тым.)</td></tr>
<tr><td>-nando (-nandə), -nandəkto</td><td>LOC2.ABL -пап (ABL2 не зафикс.)</td><td>1) -nandko (1 пример);
2) LOC2.ABL -пап</td><td colspan="2">LOC2.ABL -пап (ABL2 не зафикс.)</td></tr>
<tr><td>Сев.</td><td colspan="5">XIX в.</td></tr>
<tr><td rowspan="3"></td><td>Кастрен (таз.)</td><td colspan="2">Кастрен (ел.)</td><td>Кастрен (баи.)</td><td>Кастрен (кар.)</td></tr>
<tr><td>-паапа/-паап/-пап (только как ABL2)</td><td colspan="2">-пап
(только как ABL2)</td><td>-папа/-пап
(только как ABL2)</td><td>-паапа/-паап/-пап
(только как ABL2)</td></tr>
<tr><td colspan="5">XX-XXI в.</td></tr>
<tr><td rowspan="3"></td><td>К&Б [8] (ср.-таз.)</td><td>К&Б [8] (в.-таз.)</td><td>К&Б [8] (в.-толь.)</td><td>К&Б [8] (Кел. ел.)</td><td>К&Б [8] (баи.)</td><td>Прокофьев [1] (тур.)</td></tr>
<tr><td>любые сущ.: нӧны</td><td>любые сущ.: нӧны</td><td>любые сущ.: нӧны</td><td>любые сущ.: нӧны</td><td>любые сущ.: нӧны</td><td>любые сущ.: нӧны</td></tr>
<tr><td colspan="6"></td></tr>
<tr><td rowspan="3"></td><td colspan="2">Кузнецова и др. [4] (в.-таз.)</td><td colspan="2">ЛЯНС (Кел. ел.)</td><td>ЛЯНС (баи.)</td><td>ЛЯНС (Фар. тур.)</td></tr>
<tr><td colspan="2">любые сущ.: -пану (некотор. идеол.)</td><td colspan="2">любые сущ.: -пол, -поле, -поапni, попə</td><td>любые сущ.: -попа, -пол, -по:па, -папə, по:пə</td><td>любые сущ.: -пол, -полɨ</td></tr>
</table>

[1] Материалы, представленные в таблице в оригинале, в обсуждении были конвертированы в единую латиницу: *a, d, e, k, n, o, p, t, ɨ, ja* (на кир. *а, д, е, к, н, о, п, т, ы, я*), *ɨ* (на лат. *y*).

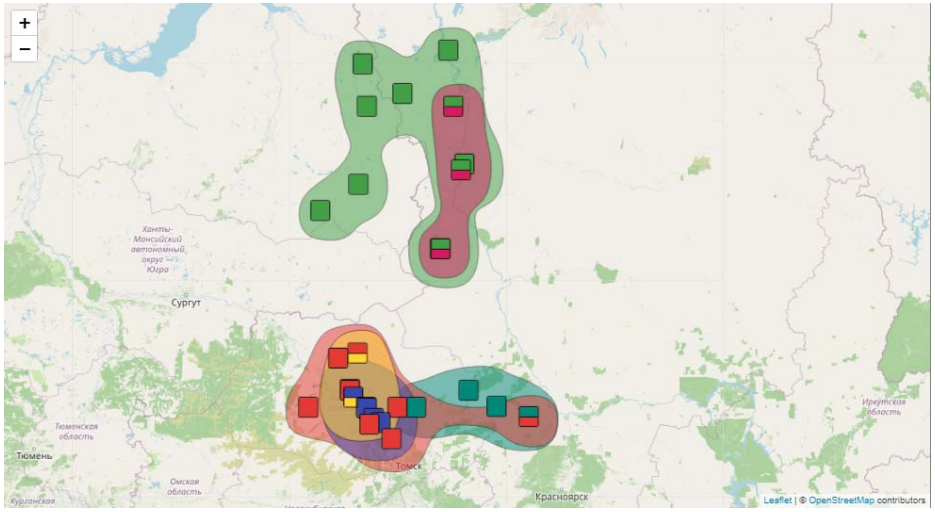
*3. Лингвогеографический аспект обсуждения аблативных формантов от *na:ni ‘PSTP.ABL’*

Далее рассмотрим появление когнатов **na:ni* ‘PSTP.ABL’ в разных селькупских диалектах и обсудим ареалы их распространения, используя карты.

Проанализируем данные из табл. 1 с привлечением карт, созданных на платформе ЛингвоДок, выделив ареалы распространения показателей аблатива. На картах не отображен суффикс *-nanɨ*, встретившийся в отдельных идиолектах верхнетазовского диалекта, так как не удалось обнаружить каких-либо примеров его фиксации, и в целом это не влияет на общую картину распространения показателей в северных диалектах.

Далее представлена обобщенная карта 1 с фиксацией маркеров аблатива на всей селькупской языковой территории, а также карты 2 и 3, более детально демонстрирующие северный и южно-переходно-центральный ареалы [21].

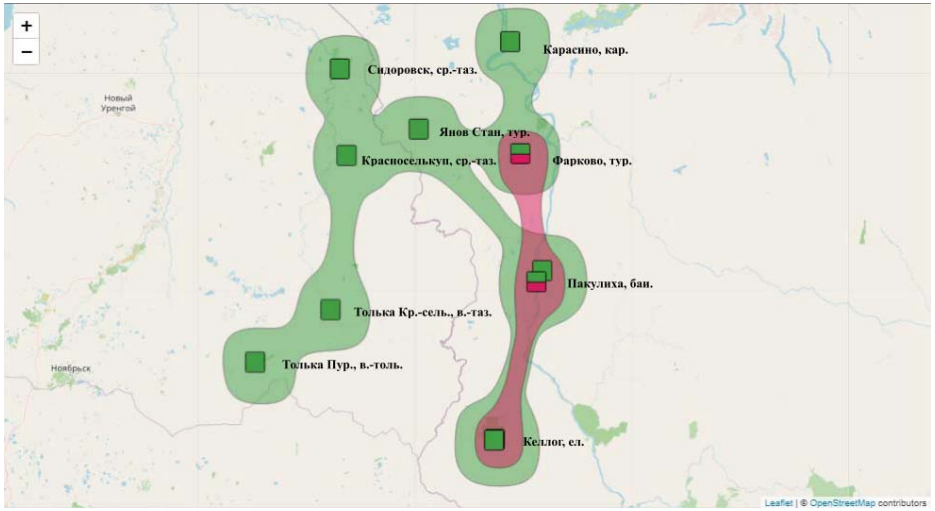
1) *-nanɨ* ‘ABL2’ – темно-зеленый цвет.
2) *-nan* ‘LOC2.ABL’ – красный цвет.
3) *-nanto/-nant(V)* ‘ABL2’ – синий цвет.
4) *-nandɨk/-nandɨkto* ‘ABL2’ – желтый цвет.
5) *na:ni/nɔ:nɨ* ‘PSTP.ABL’ – светло-зеленый цвет.
6) *nɔ:nɨ* ‘main PSTP.ABL’ (вытеснил другие аблативные показатели по материалам XX века) – бордовый цвет.

*Карта 1. Аблативные показатели от послелога *na:ni.*
Южные, переходный, центральные и северные диалекты.
*Map 1. Ablative markers from the postposition *na:ni. Southern, transitional, central and northern dialects.*

На карте 1 видно, что показатели аблатива формируют два изолированных ареала, где в северном используется только послеложный показатель, а на южно-переходно-центральном только суффиксальные маркеры.

Далее представлена карта 2, демонстрирующая особенности функционирования аблативных показателей от послелога **na:ni* в северных диалектах.

*Карта 2. Аблативные показатели от послелога *na:ni. Северные диалекты.*
*Map 2. Ablative markers from the postposition *na:ni. Northern dialects.*

На карте 2 отмечено распространение послелога/клитики *na:nɨ* (XIX в.) или *nɔ:nɨ* (XX в.) ‘PSTP.ABL’ как с одушевленными, так и с неодушевленными существительными (светло-зеленый цвет). Как уже отмечалось, в елогуйском, баихинском и туруханском, по материалам ЛЯНС за XX в., *nɔ:nɨ* превратился в универсальный аблативный показатель, вытеснив маркер суффикс *-qɨnɨ* (используется с неодушевленными существительными) из употребления (бордовый цвет).

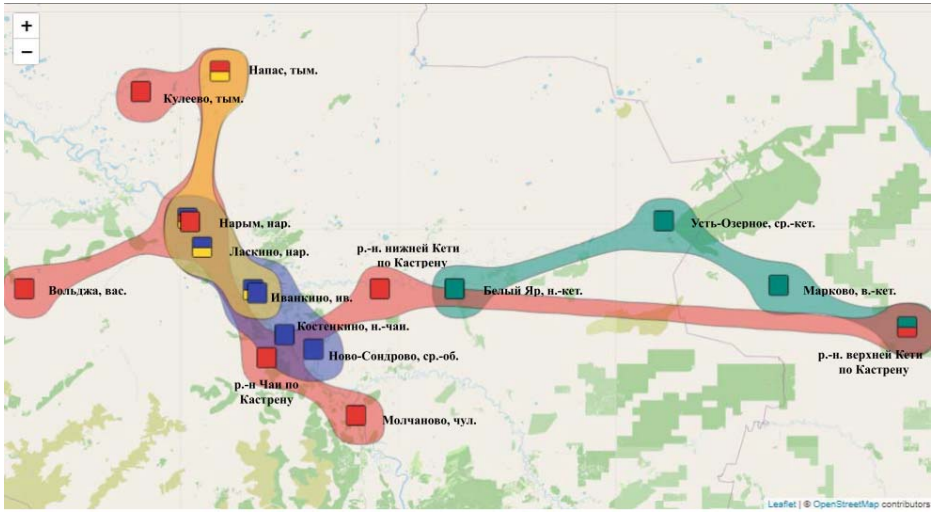
Сев.: XIX в.

Кастрен (таз.): *loḳa-n-nan* ‘лиса-GEN-ABL2’, *koča-lj-me-n-nán* ‘мешок-ADJZ-COLL-GEN-ABL2’; Кастрен (ел.): *loga-n-nán* ‘лиса-GEN-ABL2’; Кастрен (баи.): *nuu-n-nán* ‘бог-GEN-ABL2’, *uto-n-nán* ‘рука-GEN-ABL2’; Кастрен (кар.): *loga-n-nán* ‘лиса-GEN-ABL2’, *utóga-n-nán* ‘рука-GEN-ABL2’.

Сев.: XX.–XXI в.

К&Б [8] (Сид., Кр.-сель. ср.-таз.): *ӷумы-н нӭны* ‘человек-GEN PSTP.ABL’, *пӣ-н нӭны* ‘осина-GEN PSTP.ABL’; К&Б [8] (Толь. Кр.-сель. в.-таз.): *пӧ-н нӭны* ‘дерево-GEN PSTP.ABL’, *има-н-ты нӭны* ‘девочка-GEN-POSS.3SG PSTP.ABL’; Кузнецова и др. [4: 182] (в.-таз.): формы на *-nanɨ*, однако без примеров; К&Б [8] (Толька Пур. в.-толь.): *нӭны* ‘из, от’ (без примеров); ЛЯНС (Кел. ел.): *ро-попэ* ‘год-PSTP.ABL’, *аśӓ-т-поанпі* ‘отец-POSS.1SG-PSTP.ABL’; К&Б [8] (Кел. ел.): *Елогуй нӭны* ‘Елогуй-GEN PSTP.ABL’; ЛЯНС (Пак. баи.): *o:ta-nona/o:ta-non* ‘олень-PSTP.ABL’, *qətə-nanə* ‘город-PSTP.ABL’; К&Б [8] (баи.): *кармат-ты нӭны* ‘карман-GEN.POSS.3SG PSTP.ABL’; ЛЯНС (Фар. тур.): *kanáŋ-ni-non* ‘собака-GEN.POSS.1SG-PSTP.ABL’, *ɨnti-nonɨ* ‘лук-PSTP.ABL’; Прокофьев [1] (ЯС тур.): *ira-n nån (ориг. irannån)* ‘старик-GEN PSTP.ABL’.

Далее представлена карта 3, демонстрирующая особенности функционирования аблативных показателей от послелога **na:nɨ* в южных, переходном и центральных диалектах.

*Карта 3. Аблативные показатели от послелога *na:ni.*
Южные, переходный и центральные диалекты.
*Map 3. Ablative markers from the postposition *na:ni. Southern, Transitional and Central dialects.*

Суффиксы *-nanɨ/-nannɨ* ‘ABL2’, *-nan* ‘LOC2.ABL’, *-nanto* ‘ABL2’, *-nandɨk/-nandɨkto* ‘ABL2’ появляются преимущественно с одушевленными существительными.

В верхнекетских материалах М.А. Кастрена XIX в. и кетских данных ЛЯНС за XX в. сохраняется суффикс аблатива 2 *-nanni/-nanɨ* (зеленый цвет).

Юж.: XIX в.
Кастрен (в.-кет.): *loḳḳá-n-nána* ‘лиса-GEN-ABL2’.

Юж.: XX в.
ЛЯНС (БЯ кет.): *tɛddinannə* ‘2PL.ABL2’, (УО кет.) *suru-nannə* ‘зверь-ABL2’, (Мар. кет.): *mʲe-nannə* ‘1PL-ABL2’.

В южных и центральных диалектах наблюдаются примеры падежа на *-nan* ‘LOC2.ABL’, который зафиксирован в чаинских, чулымских, нижне-, верхнекетских и нарымских материалах М. А. Кастрена, а также в нарымских материалах св. Макария (Невского) XIX в. В васюганских и тымских данных за XX в. *-nan* ‘LOC2.ABL’ встречается в качестве основного аблативного показателя при одушевленных существительных (красный цвет).

Юж.: XIX в.
Кастрен (чаи.): *kana-n-nán* ‘собака-GEN-LOC2.ABL’; Кастрен (чул.): *kynnê-n-nan* ‘лошадь-GEN-LOC2.ABL; Кастрен (н.-кет.): *kuu-nnan* ‘человек-LOC2.ABL’, Кастрен (в.-кет.): *kuu-nnan* ‘человек-LOC2.ABL’.

Центр.: XIX в.
Кастрен (?Нар. нар.): *ḳê-n-nan* ‘берег.реки-GEN-LOC2.ABL’; Макарий (Нар. нар.): *ма-нан* ‘1SG-LOC2.ABL’.

Центр.: XX в.
ЛЯНС (Воль., Карг. вас.): *ulɣo-n-nan* ‘лед-LOC2.ABL’; Сабо (Нап. тым.): *üüdɛ-nan* ‘вечер-LOC2.ABL’; ЛЯНС (Кул. тым.): *a:dé-nan* ‘олень-LOC2.ABL’.

Маркер *-nan* ‘LOC2.ABL’ практически не фиксируется в корпусных данных ЛЯНС XX в. по сондровскому, кетскому, иванкинскому и нарымскому диалектам, где он был вытеснен новыми формами. Так, в южных нижнечаинских материалах Н. П. Григоровского, сондровских говорах ЛЯНС, иванкинских данных св. Макария (Невского) и ЛЯНС используются инновационный показатель аблатива 2 *-nando* или *-nand(V) – -nan* ‘LOC2.ABL + *to/tV* ‘ABL, прочь’ (синий цвет).

Юж.: XIX в.
Григ. (Кос. н.-чаи.): *табы-на́ндо* ‘3SG-ABL2’.

Юж.: XX в.
ЛЯНС (НС ср.-об.): *qud-la-n-nanto* ‘лошадь-PL-GEN-ABL2’.

Пер.: XIX в.
Макарий (ив.): *ну-нанто* ‘бог-ABL2’, *Ной-нант* ‘Ной-ABL2’.

Пер.: XX в.
ЛЯНС (Ив. ив.): *ku-la-nando* ‘люди-PL-ABL2’.

Центр.: XIX в.
Макарий (Нар. нар.): *ну-н-нанды* ‘бог-GEN-ABL2’.

Центр.: XX в.
ЛЯНС (Лас. нар.): *po-də-nando* ‘год-POSS.3SG-ABL1’.

В нарымских материалах св. Макария (Невского) и данных ЛЯНС по иванкинскому и нарымскому диалектам отмечается использование инновационных суффиксов аблатива 2 *-nan-dək-to* ‘LOC2.ABL-прочь-ABL’ или *-nan-tak* ‘LOC2.ABL-прочь’. В тымском переселенческом идиоме текстов Л. Сабо также появляется суффикс *-nan-dko* (*-*nan-dək-to*) ‘LOC2.ABL-прочь.ABL’ (желтый цвет).

Пер.: XX в.
ЛЯНС (Ив. ив.): *aze-n-d-nandɨkto* ‘отец-GEN-POSS.3SG-ABL2’.

Центр.: XIX в.
Макарий (Нар. нар.): *кошкыдо-н-нептак* (*-*нентак*) ‘зло-GEN-ABL2’.

Центр.: XX в.
ЛЯНС (Лас. нар.): *d’ád’a-nàndəkto* ‘дядя-ABL2’; Сабо (Нап. тым.): *xyr-la-nandko* ‘корова-PL-ABL2’.

Представленные карты позволили наглядно продемонстрировать основные пути трансформации послелога *na:ni ‘PSTP.ABL’ в лингвогеографической перспективе.

4. Заключение

В ходе исследования удалось проанализировать большой объем языковых данных и выявить маркеры, образовавшиеся из аблативного форманта *na:nɨ: *-nanɨ/-nannɨ* ‘ABL2’, *-nan* ‘LOC2.ABL’, *-nanto* ‘ABL2’, *-nandɨk/-nandɨkto* ‘ABL2’, *na:ni/nɔ:nɨ* ‘PSTP.ABL’.

Можно предположить, что формант *na:nɨ существовал на всей селькупской территории в качестве послелога еще до выделения северных диалектов, а все дополнительные трансформации, отмеченные на картах, произошли в последние 300–400 лет.

В южных, переходном и центральных диалектах послелог *na:nɨ перешел в суффиксальные формы и используется преимущественно с одушевленными существительными. В кетском диалекте сохранилась форма *-nannɨ* ‘ABL2’ с геминацией согласной, в то время как в

остальных произошла редукция *-na:nɨ* > *-nan* ‘ABL2’ и совпадение с формой падежа *-nan* ‘LOC2’ – *-nan* ‘LOC2.ABL’. После этого произошло образование новых показателей в процессе преодоления падежного синкретизма путем добавления к форме дополнительных формантов *-nan* + *to/-nan* + *t(V)* ‘LOC2.ABL + ABL’, *-nan* + *-dɨk* ‘LOC2.ABL + прочь’, *-nan* + *-dɨk* + *-to* ‘LOC2.ABL + прочь + ABL’. Основными семантическими ролями имени при существительных в аблативе 2 являются Источник, Объект сравнения, Причина, Объект, против которого принимаются действия, Часть-Целое и Материал.

В северных диалектах послелог **na:nɨ* сохранился в виде универсального аблативного форманта, трансформировавшись к XX в. в *nɔ:nɨ*, где он используется в семантических ролях Источника Места и Времени, Материала, Причины, Объекта сравнения, Части-Целого и Стимула.

Трансформации подобного типа происходили параллельно другим изменениям системы падежей пространственно-временного блока, которые также следует дополнительно изучить в последующем.

Сокращения

1) Бакл. – Бакланиха, БЯ – Белый Яр, Воль. – Кольджа, Зуб. – Зубрековo, Ив. – Иванкино, Карг. – Каргасок, Кел. – Келлог, Кос. – Костенкино, Кр.-сель. – Красноселькуп, Кул. – Кулеево, Лас. – Ласкино, Мар. – Марково, Нап. – Напас; Нар. – Нарым, НС – Новосондрово, Пак. – Пакулиха, Сид. – Сидоровск, Сон. – сондровские говоры (Старо- и Новосондрово), Толь. Кр.-сель. – Толька Красноселькупского района, Толька Пур. – Толька Пуровского района, УО – Усть-Озерное, Фар. – Фарково, ЯС – Янов Стан.

2) баи. – баихинский, в.-кет. – верхнекетский, в.-таз. – верхнетазовский, в.-толь. – верхнетолькинский, вас. – васюганский, ел. – елогуйский, ив. – иванкинский, кар. – карасинский, кет. – кетский, н.-кет. – нижнекетский, н.-чаин. – нижнечаинский, нар. – нарымский, ср.-об. – среднеобской, ср.-таз. – среднетазовский, таз. – тазовский, тым. – тымский, тур. – туруханский, чаи. – чаинский, чул. – чулымский.

3) Пер. – переходный иванкинский диалект, Сев. – северные диалекты, Центр. – центральные диалекты, Юж. – южные диалекты.

4) Григ. – Григоровский, К&Б – Казакевич и Будянская, ЛЯНС – лаборатория языков народов Сибири, Т. – том, табл. – таблица.

5) 1 – первое лицо, 2 – второе лицо, 3 – третье лицо, ABL – аблатив, ABL2 – аблатив 2, ACC – аккузатив, ADJ – прилагательное, COLL – суффикс собирательной множественности, COM – комитатив, DIM – диминутив, DUR – дуратив, EMPH – эмфаза, FUT – будущее время, GEN – генитив, HAB – хабитуалис, IMP – императив, INF – инфинитив, LOC2 – локатив 2, NEG.IMP – отрицательная частица императива, O – объектное (определенное) спряжение, PL – множественное число, POSS – посессивность, PRD – предикативный суффикс, PRS – настоящее время, PST – прошедшее время, PSTN – прошедшее повествовательное, PSTP – послелог, PST.PTCP – причастие настоящего времени, S – субъектное (неопределенное) спряжение, SG – единственное число, TR – транзитивность, VBLZ – вербализатор.

Список литературы / References

[1]. Прокофьев Г.Н. Селькупский (остяко-самоедский) язык. Ч. 1: Селькупская грамматика. Л., 1935 / Prokofiev G.N. Selkup (Ostyak-Samoyedic) language. Part 1: Selkup grammar. L., 1935 (in Russian).

[2]. Hajdú P.A szelkup locativustól és ablavitustól a magyar visszaható névmásig. Néprajz és Nyelvtudomány Samojedologische Schriften Studia Uralo-Altaica. Vol. 7 Universitas Szegediensis de Attila József Nominata, 1963, o. 5-18.

[3]. Хелимский Е.А. Рецензия: Hajdú P., Samojedologische Schriften. СФУ XIII, 1977, № 4, с. 301-305 / Helimski E.A. Review: P. Hajdú, Samojedologische Schriften. SibFU XIII, 1977, no. 4, pp. 301-305 (in Russian).

[4]. Кузнецова А.И., Хелимский Е.А., Грушкина Е.В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Том 1. М., 1980 / Kuznetsova A.I., Helimsky E.A., Grushkina E.V. Sketches of the Selkup language. Taz dialect. Volume 1. Moscow, 1980. (in Russian).

[5]. Кюннап А. Основные источники вторичных окончаний локальных падежей в самодийских языках. Советское финно-угроведение. XVIII. 1982. № 3, с. 194-200 / Künnap A. The main sources of secondary endings of local cases in Samoyedic languages. Soviet Finno-Ugric studies. XVIII. 1982. No. 3, pp. 194-200 (in Russian).

[6]. Беккер Э.Г., Алиткина Л.А., Быконя В.В., Ильяшенко И.А. Морфология селькупского языка. Южные диалекты. Ч. 1. Томск, 1995. 292 с. / Bekker E.G., Alitkina L.A., Bykonya V.V., Ilyashenko I.A. Morphology of the Selkup language. Southern dialects. Part 1. Tomsk, 1995. 292 p. (in Russian).

[7]. Janhunen J. Samoyedic. The Uralic Languages, ed. D. Abondolo. London; New York: Routledge, 1998. pp. 457-479.

[8]. Казакевич О.А., Будянская Е.М. Диалектологический словарь селькупского языка (северное наречие). Екатеринбург: Институт филологии СО РАН, 2010 / Kazakevich O. A., Budyanskaya E. M. Dialectological dictionary of the Selkup language (Northern dialect). Yekaterinburg: Institute of Philology SB RAS, 2010 (in Russian).

[9]. Alatalo Jarmo. Sölkupisches Wörterbuch aus Aufzeichnungen von Kai Donner, U.T. Sirelius und Jarmo Alatalo. Zusammengestellt und herausgegeben von Jarmo Alatalo. Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXX. Société Finno-Ougrienne Helsinki, 2004. 465 s.

[10]. Платформа ЛингвоДок. Институт системного программирования им. В.П. Иванникова РАН. Доступно по ссылке: http://lingvodoc.ispras.ru, обращение 01.10.2026.

[11]. Архив ЛЯНС. Архив лаборатории языков народов Сибири. ТГПУ. Селькупы. Тома: 1-65. Томск, 1952–1985 / The LSIL Archive. Archive of the laboratory of Siberian indigenous languages. TSPU. Selkups. Volumes: 1-65. Tomsk, 1952-1985 (in Russian).

[12]. Alatalo Jarmo. Manuscripta Castreniana Ostiak-Samoiedica (MCOS). Available at: https://www.sgr.fi/manuscripta/ostiaksamoiedica, accessed: 06.11.2024.

[13]. Григоровский Н.П. Азбука сюссогой гулани. Сост. Григоровским Н.П. для инородцев Нарымского края. Издание православного миссионерского общества. Казань, 1879 / Grigorovsky N. P. ABC book for Sjussogoj gulani. Compiled by N.P. Grigorovsky for the natives of the Narym Krai. Publication of the Orthodox Missionary Society. Kazan, 1879 (in Russian).

[14]. Макарий (Невский), еп. Материалы для ознакомления с наречием остяков Нарымского края, 1887 г. Приложение № 7 к отчету об Алтайской и Киргизской миссиях за 1887 г. Томск, 1888 / Makary (Nevsky), bish. Materials for familiarization with the dialect of the Ostyaks of the Narym Krai, 1887. Appendix No. 7 to the report on the Altai and Kyrgyz missions for 1887. Tomsk, 1888 (in Russian).

[15]. Макарий (Невский), еп. Беседы об истинном Боге и истинной вере на наречии обских остяков. Томск, 1900 / Makary (Nevsky), bish. Conversations about the true God and the true faith in the dialect of the Ob Ostyaks. Tomsk, 1900 (in Russian).

[16]. Szabó L. Selkup texts with phonetic introduction and vocabulary. Uralic and Altaic Series. Bloomington, 1967. 62 p.

[17]. Глушков С.В., Байдак А.В., Максимова Н.П. Диалекты селькупского языка. Селькупы: очерки традиционной культуры и селькупского языка. 2-е изд., испр. и доп. Томск: Национальный исследовательский Томский политехнический университет, 2013, с. 49-63. / Glushkov S. V., Baydak A.V., Maksimova N. P. Dialects of the Selkup language. Selkups: essays on traditional culture and the Selkup language. 2nd ed., rev. and add. Tomsk: National Research Tomsk Polytechnic University, 2013, pp. 49-63 (in Russian).

[18]. Janurik T.A. Szölkup nyelvjárások osztalyozása. Nyelvtudományi Közlemények 80. Budapest, 1978. O. 77-104.

[19]. Joki A. Über Das Element n in Der Samojedischen Deklination. Finnisch-Ugrische Forschungen, 1971, vol. 39, s. 1-17.

[20]. Erdélyi I. Selkupisches Wörterverzeichnis Tas dialekt. Budapest: Akad. Kiado, 1969. 316 S.

[21]. Платформа ЛингвоДок. Карта: аблативные показатели от послелога *na:nɨ. Доступно по ссылке: https://lingvodoc.ispras.ru/map_search/Y4j1V, дата обращения: 05.04.2026.

Информация об авторах / Information about authors

Сергей Васильевич КОВЫЛИН – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории «Лингвистические платформы» ИСП РАН с 2019 года; доцент кафедры языков народов Сибири Томского государственного педагогического университета с 2019 года. Сфера научных интересов: корпусная лингвистика, компьютерная лингвистика, документация и ревитализация исчезающих языков и культур.

Sergei Vasilievich KOVYLIN – Cand. Sci. (Philology), Senior research fellow of the laboratory “Linguistic platforms” of the ISP RAS since 2019; Associate professor of the Department of Indigenous Siberian Languages at Tomsk State Pedagogical University since 2019. Research interests: corpus linguistics, computational linguistics, documentation and the revitalization of endangered languages and cultures.